

Л. П. ПОТАПОВ

О НАРОДЕ БЁКЛИЙСКОЙ СТЕПИ¹

При расшифровке и публикации древнетюркских рунических надписей, открытых в Монголии, внимание востоковедов привлек термин *Bökli*. В Большой надписи памятника в честь Кюль-Тегина *Bökli* упоминается дважды. В начале надписи, где рассказывается о смерти и похоронах двух первых тюркских каганов, в строке 4-й говорится: „[В качестве] плачущих и стонущих (т. е. для выражения соболезнования) [пришли] спереди, из [страны] солнечного восхода, народ степи Беклийской, [а также] табгач, тибетцы, авары и Рим, киргизы, уч-куруканы, отуз-татары, кытай и татабийцы, столько народов, придя, стонали и плакали: столь знаменитые каганы были они“. В строке 8-й, в рассказе о том, как древние тюрки попали под владычество Китая, а тюркские каганы не только подчинились китайскому императору, но и приняли от него титулы, сказано: „Пятьдесят лет отдавали они [ему свои] труды и силы. Вперед [в страну] солнечного восхода они ходили войною вплоть до Бекли кагана, назад (т. е. на запад) они ходили войной вплоть до Темир-Капыга...“.² Таким образом, в тексте памятника упоминается о народе Бёклинской, или Бёклийской, степи и о кагане Бёкли.

В. Радлов при первой же публикации памятника в честь Кюль-Тегина перевел этот термин, находящийся в строке 4-й, как 'могущественный степной [народ]', а в строке 8-й выражение *Bökli кагана* — 'до могущественного хана'.³ Радлов исходил тогда из предложенной им этимологии *Bökli* от слова *bök* в значении 'сильный, могучий'. Но при своем четвертом переводе памятника он остановился на нижеследующем чтении. На строке 4-й он читал соответствующее место: 'племена степи *Bökli*', а на строке 8-й — 'до *Bökli* кагана'.⁴ При этом в словаре у него слово *Bökli* уже трактуется как имя собственное, а *Bökli* каган — '(гора?)'.⁵ В. Томсен слова *Bökli cölig il* перевел как 'могущественные народы (государства)'.⁶ При вторичном же издании он переводит это место 'das ferne *Bökli* [?] volk'.⁷ Таким образом, сам термин *Bökli* остался для

¹ Значительная часть этой работы была доложена мною в августе 1960 г. в секции алтаистики на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве. Доклад был издан для участников Конгресса в серии „Доклады делегации СССР“ под названием „Новые материалы о древних этногенетических связях народностей Саяно-Алтайского нагорья“ (М., 1960; тираж 350 экз.).

² Цитирую по переводу С. Е. Малова (Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 36—37).

³ W. Radloff. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. Erste Lieferung. St.-Petersbourg, 1894, стр. 5, 7.

⁴ W. Radloff. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Lieferung. St.-Petersbourg, 1894, стр. 140.

⁵ W. Radloff. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. NF, St.-Petersbourg, 1897, стр. 130, 132, 180; см. также: В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Древние тюркские надписи в Кошо-Цайдаме. СПб., 1897, стр. 17—18.

⁶ W. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. MSFOu, V, 1896, стр. 139.

⁷ W. Thomsen. Altürkische Inschriften aus der Mongolei. ZDMG, Bd. 78, 1924, стр. 145 (в переводе Н. Scheder'a с издания на датском языке, опубликованного в 1922 г.).

Томсена неясным. В. Банг, занявшийся этимологией *Bökli*, нашел, что этим термином называлась не только гора, как предполагал Радлов, но и степь: „Под *Bökli kagan*, — говорит Банг, — очевидно, подразумевается расположенный к северу от Пекина мощный горный кряж, который обозначается на картах как Большой Хинган — *Khingngan*, или *Yak alyn*; *alyn* ‘гóры’; *yak* — ср. монг. *yak* — ‘сильный, крепкий’, маньчж. *yak sembi* ‘быть сильным, стремительным’, что соответствует монгольскому *yeke* — орхонск.-тюркск. *bökli*. В *Bökli cöl* я вижу *ta-to* (ср.: JA, 1864, стр. 458) — *ta-sa-ta* — Гоби. Надо надеяться, что какой-нибудь синолог скажет нам, может ли гора называться по-китайски просто *ta-san*“.⁸ Мнение Банга и Радлова о том, что *Bökli* является собственным географическим именем, поддержал П. Мелиоранский, который заявил: „Я принимаю вслед за В. В. Радловым *Bökli cöl* тоже за собственное имя, а именно за название степи, прилежащей к Бөкли-каганскому горному хребту“.⁹ Но П. М. Мелиоранский не согласился с этимологическими сопоставлениями Банга и заметил: „Однако оба эти географические названия пока темны и сближения Банга совершенно гадательны“.¹⁰

Таким образом, на первой стадии изучения орхонских текстов (к началу XX в.) вопрос о *Bökli* как термине, обозначающем название степи и глухого хребта, в общем был решен без особой дискуссии. Мнение В. Банга о том, что под *Bökli kagan* нужно подразумевать современный Большой Хинган, не было опровергнуто. Позднее, при более широком и углубленном изучении орхонских надписей, к рассмотрению термина *Bökli* обратился ряд ученых. Известный турецкий исследователь Х. Н. Оркун находит, что *Bökli* нельзя считать именем собственным. Он предлагает *bökli cöllig el* перевести как ‘народ, живущий в лесах, народ, живущий в степи’.¹¹ Но при этом, конечно, становится непонятным, почему в перечне народов в Большой надписи Кюль-Тегина только один народ оказался названным просто ‘народом лесов и степи’, без географического или этнического имени. Напротив, А. Габэн рассматривает *Bökli* как наименование народа.¹² Наибольшее признание получило, пожалуй, значение *Bökli* как одно из наименований Кореи (*Kao-li*).¹³ В тибетской рукописи № 1283, вывезенной экспедицией Пельо, *Bökli* выступает под названием *Mug-lig* и *Ke'u-li*.¹⁴ Страну *Kao-li* (также *Kao-kou-li*) Лю Мау-цай помещает „южнее провинции *Liao-ning* и севернее теперешней Кореи“.¹⁵ Но вместе с этим предложено

⁸ W. Bang. Zu den Köktürkischen Inschriften. T'oung Pao, IX, 1898, стр. 141; см. также стр. 123.

⁹ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВО РАО, т. XII, вып. 2—3, 1899, стр. 99.

¹⁰ П. М. Мелиоранский, ук. соч., стр. 99. — Дж. Клосон недавно снова показал несостоятельность попыток этимологизировать древнетюркские имена собственные, см. G. Clouston. A Note on Qarqan. IRAS, April, 1956, стр. 1—2.

¹¹ H. N. Orkun. Eski türk yazıtları, T. I. İstanbul, 1936, стр. 75.

¹² A. von Gabain. Alttürkische grammatik, Leipzig, 1950, стр. 304: „*bökli* (ü?) Volksname“.

¹³ Iwasa, Seiichiro (1911—1935). On the Bökli, Par and Purim of Orkhon Inscriptions. Remains of Iwasa Seiichiro. Tokyo, 1936; Ch'en Ch'ung-mien. A note on the T'u-chüen inscriptions on the Ch'üen-te-ch'in stone tablet on the Orkhon. Fu-jen hsüeh-chih. Catholic University, Peipins, v. VI, 1937, № 1—2, стр. 249—274.

¹⁴ J. Bacot. Reconnaissance en Haute Asie septentrionale par cinq envoyés oughours au VIII siècle. JA, 1956, стр. 000; G. Clouston. A propos du Manuscrit Pelliot Tibétain 1283, JA, 1957, стр. 19—20.

¹⁵ Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türkén (T'u-küe). Bd. II. Wiesbaden, 1958, стр. 550.

отождествление *Bökli* с одним из племен теле (*T'ie-le*), упоминаемым в Суйской династийной истории *фу-ли-ку* (*Fu-li-ku*).¹⁶ Автор помещает племя *Fu-li-ku* (*Bökli*) в лесной области между верховьями рек. Шира-Мурена и Луан-Хо, т. е. в современном Северо-Восточном Китае.

Один из наиболее крупных тюркологов, ныне покойный С. Е. Малов при переиздании орхонских памятников поместил этот термин в словаре в следующем виде: „*Bökli cöl(l)ig äl* — народ Бёклийской степи“.¹⁷ Следовательно, можно считать, что толкование *Bökli* как имени собственного географического или этнического получило теперь общее признание. В связи с этим я позволю себе сообщить некоторые новые материалы, подтверждающие значение *Bökli* как имени собственного и отражающего древние этногенетические связи населения Саяно-Алтайского нагорья с югом. Напомню, что в надписи Кюль-Тегина говорится о „бёклийцах“ (народе Бёклийской степи), прибывших на похороны кагана вместе с кыргызами, уч-курыканами, отуз-татарами и т. д. Изучая русские исторические документы XVII в., я встретил упоминание о „боклинцах“, или „буклинцах“, а также о „Буклинской земле“, находившейся на правом берегу Енисея в бассейне р. Тубы, которая в XVII в. именовалась р. Упсой. Зная по собственному исследовательскому опыту, что русские служилые люди XVII в. хорошо знали географические и этнические местные термины в Сибири и довольно точно их передавали в своих отписках и чертежах, я попытался собрать эти сведения о „Буклинской земле“, о буклинцах, или, как они иногда называются в документах, „боклинцах“, и получил следующие данные.

В 1617 г. в состав Русского государства была включена „Буклинская земля“.¹⁸ Она находилась на Енисее. В челобитной томских казаков царю Михаилу Федоровичу сказано: „Во 125 году приискали мы, холопи твои, новую землю на Енисее и били челом тебе, государю, в новую землю на Енисее и Буклинскую волость князьку Базаяку, и твои государевы воеводы нас, холопей твоих, отпустили в новую землю. И мы, государь, холопи твои государевы, ходили по твой государев ясак, и ясак твой государев взяли и в Томский город принесли“.¹⁹ В документе 1622 г. говорится о посылке служилых людей из Мелецкого острога Томского уезда в Киргизы и „в Буклу по ясак“.²⁰ Затем буклинцы упоминаются в документах второй половины 20-х гг. XVII в. как данники-киштымы енисейских кыргызов, причем они всегда перечисляются, наряду с тубинцами и моторцами, вместе или по соседству с которыми, видимо, они жили.²¹ Тубинцы в то время обитали в бассейне р. Упсы—Тубы (правого притока Енисея, южнее Красноярска). Моторцы жили также по Тубе, по р. Амылу (левый приток Тубы) и в верховьях р. Казыра.²² Следовательно, здесь же, в бассейне Тубы, т. е. на северных отрогах Западного Саянского хребта, кочевали, вероятно, и буклинцы. Приведу другие выдержки из документов, в которых упоминаются буклинцы. В 1626 г.

¹⁶ Н. W. Haussig. *Theophylaks Exkurs über die skythischen Völker*. Byzantion, t. XXIII, Brühells, 1953, стр. 331—348, 349, 352, 384.

¹⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 373.

¹⁸ Под термином „ясачная земля“, или „ясачная волость“, в Енисейском и Красноярском уездах в XVII в. подразумевалась не территория, а та или иная родоплеменная группа населения, возглавляемая князем.

¹⁹ Г. Миллер. История Сибири. Т. I. М.—Л., 1937, стр. 445, док. № 89.

²⁰ Г. Миллер. История Сибири. Т. II. М.—Л., 1941, стр. 289, док. № 190.

²¹ Так же думал и Г. Миллер: „Буклинцы жили где-то по соседству с тубинцами“ (История Сибири, т. II, стр. 55).

²² Л. П. Потопов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, стр. 85, 87.

в Томск для переговоров приезжал кыргызский князец Отначка, по выражению документа, „из киргиз, тубинцев, моторцов, буклинцев“.²³ В том же году кыргызский посол в Тобольске заверял, что енисейские кыргызы будут верны присяге о подданстве русскому царю „и ясак по-прежнему платить будут и тубинцы, буклинцы, моторцы“.²⁴ Но вскоре поступило другое известие — что енисейские кыргызы хотят на русских идти войной, взяв с собой „тубинцев, моторцов и буклинцов“.²⁵

В 1627 г. на р. Юс приехал из Томска П. Собанский к князьям енисейских кыргызов Ишею и Кочебаю, чтобы договориться с ними об установлении мирных отношений. Собанский предложил устроить наиболее представительное собрание и просил послать приглашение ко всем кыргызским князьям, а также „к тубинцам, и к моторам, и к буклинам“.²⁶ Это было осуществлено, и буклинцы с тубинцами и моторцами приехали. Вместе с моторцами их было, примерно, 400 чел. Буклинцы были тогда киштымами-данниками кыргызов. Кыргызские князья заявляли: „А буклинцы де природные холопы наши, князца Иджегея Икзарина“.²⁷ В 1630 г. в Красноярск приезжал „из буклинской земли мужик Излек“ с вестью о том, что посланные из Красноярска в Тубу, Саяны и другие земли русские сборщики ясака побиты тубинским князем Каяном.²⁸

В феврале—марте 1631 г. пятидесятник З. Игнатьев ходил из Красноярска „на бохтинских и на яринских и на буклинских людей, которые побии государевых ясачных людей аринцов и ясты[н]цов“. Русские служилые люди при этом шли из Красноярска вверх по Енисею девять дней. На девятый день они уже были „на реке Ерма, да на реке на Сисиме“, т. е. в бассейне правых притоков Енисея, а именно — рек Упсы—Тубы (так как речка Ирба, или Ерма, является правым притоком Тубы) и Сисима. Здесь-то они и встретились с „государевыми изменниками и непослушниками“ — буклинцами и другими, которых было в „скопе болши полутора человека“. В цитируемом документе написание интересующего нас термина дается в двух вариантах: буклинцы и боклинцы.²⁹

В 1632 г. русские служилые люди, посланные из Томска, привели кыргызских князей к очередной „шерти“ (т. е. к присяге) и получили от них обещание привести в русское подданство ряд „немирных земель“, а именно: „точи, саянов, моторцов, буклинцов и иные немирные земли“.³⁰ Отсюда следует, что буклинцы, как и моторцы и тубинцы, в то время перестали вносить ясак. Это подтверждается и документом 1632—1633 гг., из которого узнаём, что томский воевода И. Татев сообщил посланцам енисейских кыргызов о необходимости привести „под государеву высокую руку“ тубинцев, моторцов и буклинцев.³¹ Но в Красноярской ясачной книге начала 30-х гг. XVII в. уже отмечено поступление ясака в 20 соболей с „Буклинской земли“, возглавлявшейся „лутчим мужиком“ Коштаном.³² В документе 1634—1635 гг. говорится о том, что в 1634 г. кызыльцы, жившие в бассейне верхнего течения Чулыма, напали на

²³ Центральный государственный архив древних актов (Москва), ф. 214, Сибирский приказ, стлб. 886, л. 116.

²⁴ Там же, Сибирский приказ, стлб. 886, л. 114.

²⁵ Там же, л. 48.

²⁶ Там же, стлб. 886, лл. 27—28.

²⁷ Там же, стлб. 513, л. 186.

²⁸ Г. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 374, док. № 283.

²⁹ Центральный государственный архив древних актов, ф. 214, Сибирский приказ, стлб. 368, лл. 79 и 80.

³⁰ Там же, стлб. 886, л. 281.

³¹ Там же, л. 290.

³² Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 234.

Красноярский острог и увели в плен подгородных татар. Среди уведенных ими красноярских подгородных татар был буклинец Кошта (в другом документе — Кошканка), который в 1635 г. „вышел от тех кызыльцев“. Он рассказал, что в плену у кызыльцев находится (буклинец) „Менбеско с женой и детьми“.³³ Названные в документе красноярскими подгородными татарами Кошта и Менбес были буклинцами. Это видно из того, что в ясачной книге Красноярского уезда за 1639 г. записана „волость Буклинская“, в которой отмечено четыре плательщика ясака: Кошка, Менбес, Банбаш и „недоросль“ Кумугашко, которые заплатили 18 соболей.³⁴

Буклинцы и их земля упоминаются в 1636 г. в числе ряда „ясачных земель“. В царской грамоте томским воеводам написано: „А которые де земли Камашинская и Кашинская, Буклынская, Алылская, Берюская, Огунская ясак с себя давали, и теми всеми землями завладели киргизы да тубинцы“.³⁵ Наконец в последний раз в известных нам исторических документах XVII в. буклинцы упоминаются в 1640—1641 гг. В ясачной книге Красноярского уезда за 1640 г. помечено, что „волость Буклинская“ ушла „в киргизы“. Однако в 1641 г. с буклинца по имени Пуга был взят ясак в Мелецкий острог.³⁶ Дальнейшее изучение документов, возможно, позволит открыть еще новые сведения о буклинцах, однако уже из того, что здесь цитировалось, ясно, что названия „Буклинская земля“ и „буклинцы“ представляли собой в первой половине XVII в. наименование какой-то небольшой родоплеменной группы, жившей вместе или соседившей с тубинцами и моторцами. Буклинцы находились в контакте, видимо, и с тюркоязычными кызыльцами. Из одного документа, например, следует, что у некоего кызыльца жил племянник в Буклинской волости. Некоторых буклинцев, живших под Красноярском, кызыльцы уводили к себе во время набегов на Красноярский острог. Буклинцы несомненно входили в конгломерат данников енисейских кыргызов, включавший в себя мелкие кетоязычные, самодийскоязычные и тюркоязычные родоплеменные группы, обитавшие по правобережью Енисея, в частности в бассейне Упсы—Тубы. Длительная совместная жизнь этих этнических групп привела к их взаимному смешению и распространению среди них местного многоязычия, которое было окончательно преодолено победой тюркского языка только к началу XIX в.³⁷

Опираясь на материал русских исторических актов, можно предполагать, что ясачные буклинцы XVII в. являются далекими потомками народа Бёклийской степи, представители которого вместе с кыргызами, уч-курукканами и др. явились на похороны одного из первых тюркских каганов (во второй половине VI в.). Мне кажется, сомневаться в этом так же трудно, как и в том, что енисейские кыргызы XVII в. являются потомками кыргызов времени тюркского каганата, наименование которых упоминается в орхонских надписях в одном перечне с бёклийцами-буклинцами. Со временем буклинцы сделались киштымами енисейских кыргызов. Мы не знаем, когда это случилось — в период ли кыргызского великодержавия (IX—X вв.) или еще позднее. Но характерно, что князья енисейских кыргызов начала XVII в. считали буклинцев своими „природными холопами“.

³³ Г. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 414—415; Б. О. Долгих, ук. соч., стр. 234.

³⁴ Б. О. Долгих, ук. соч., стр. 234.

³⁵ Г. Миллер, История Сибири, т. II, стр. 439, док. № 365.

³⁶ Б. О. Долгих, ук. соч., стр. 99.

³⁷ См.: Л. П. Потопов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.

Труднее выяснить вопрос о том, являются ли буклинцы русских исторических источников XVII в. аборигенами бассейна Енисея или их предки были выходцами из Северной Кореи или степей, прилегающих к Большому Хингану, если согласиться с предложенной локализацией *Bökli* в древнетюркское время.

Мне уже приходилось высказать первоначальные соображения в пользу первой гипотезы (ук. соч., стр. 110—113).³⁷ Однако теперь я склоняюсь к тому, что народ Бёклийской степи (или его отдельные группы) оказался на Енисее в результате этнических передвижений на запад и север, вызванных распространением господства киданей, позднее монголов Чингиз-хана. Известно, что некоторые, в частности кетоязычные группы, продвинулись в Минусинскую котловину именно с юга. Но как бы то ни было, предположение об этногенетической связи буклинцев XVII в. с древним народом Бёклийской степи, упоминаемым в орхонских надписях, вполне допустимо. То обстоятельство, что этногенетическая связь буклинцев XVII в. с их ранними историческими предками — „бёк-лийцами“ древнетюркских надписей, отразившаяся в этнониме, сохранялась так долго, меня не смущает. Примеров столь длительной исторической преемственности в жизни тех или иных племен и народностей Саяно-Алтайского нагорья немало. Напомню наличие такой связи между древними тюркоязычными племенами теле, тюгю, уйгур и современными алтайцами, тувинцами, хакасами. Наименование конфедерации теле, или тогуз-огузов, сохранилось у современных алтайцев и тувинцев в названиях таких племенных и родовых групп, как: телес, телеут, теленгит, телек, а наименование тогуз-огузов — в названии сеока (рода) тогус у алтайцев. Возьмем еще такие известные этнонимы древнетюркского периода, как тюргеш и уйгур. Мы найдем их у современных алтайцев в названии сеока тиргешь, а у современных тувинцев — в наименовании значительной группы населения — ондар-уйгур, или уйгур-ондар.³⁸ Названия народов чик и аз, упоминаемых в орхонских текстах как народы, обитающие на верхнем Енисее, можно обнаружить в именах алтайских сеоков: тёрт-ас, байлагас, чигат и др. Можно указать еще на сохранение имени Дубо китайских хроник в самоназваниях современных тубаларов (северные алтайцы), тувинцев, тофаларов-карагасов. Напомним и другой хорошо известный исторический пример с енисейскими кыргызами. Последние жили на Енисее более тысячи лет, вплоть до XVIII в., и сохранили не только этноним, зафиксированный еще в орхонских надписях, но и ряд древних титулов, обычаев, верований и т. д. Енисейские кыргызы XVII в. сохранили даже традицию своих исторических предков VI—VIII вв. ездить на похороны своих властителей. Если орхонские надписи VIII в. рассказывают о том, что кыргызы вместе с бёк-лийцами явились на похороны тюркского кагана, данниками которого они тогда были, то русские исторические акты XVII в. свидетельствуют, что енисейские кыргызы, будучи данниками монгольского Алтын-хана, ездили (возможно, также вместе с буклинцами) хоронить своего знатного властителя и присутствовать при старинной церемонии возведения на престол нового Алтын-хана. Об этом повествует документ 1658 г.: „И ныне... ис Киргиской земли весть..., что Мугальский Алтын-царь умер, а киргиские князья лутчие люди в Мугальской земле оне выбирают в ево Алтыново место Мугалского царя“.³⁹ Насколько хорошо

³⁸ Название ондар-уйгур, возможно, отражает былую принадлежность предков этих тувинцев к „десяти уйгурам“ (он уйгур).

³⁹ Г. Миллер. История Сибири, т. III (рукопись), документ № 281.

сохранилась преемственная этногенетическая историко-культурная связь современных народов Саяно-Алтайского нагорья с древним населением этой области периода тюркского каганата (VI—VIII вв.), прекрасно свидетельствуют археологический материал, а также этнонимы, топонимика, особенности языка, материальной культуры, религиозных верований и обрядов, бытовавших или еще бытующих до нашего времени у тувинцев, хакасов, шорцев, алтайцев.⁴⁰

Итак, новые исторические материалы позволяют высказать мнение о том, что термин *Bökli* орхонских надписей — это не только географическое наименование, но этноним, сохранившийся у далеких потомков древних бёклийцев на Енисее, переданный русскими историческими документами в форме „боклинцы—буклинцы“ или „Буклинская земля“. Если этническое происхождение буклинцев XVII в. как потомков народа Бёклийской степи не вызывает особых сомнений, то пока трудно сказать что-либо определенное относительно языка буклинцев XVII в. Мы не располагаем хотя бы несколькими словами, которые бы определялись достоверно как буклинские. Исключение составляют лишь несколько собственных мужских имен буклинцев, зафиксированных русскими историческими документами. Таковы имена Базаяк, Излек, Коштан (это же имя передано еще как Кошкан и Кошка), Менбес, Пуга, Банбаш, Кумугаш. Они весьма походят на тюркские, и некоторые из них встречаются в документах XVII в. как имена князей тюркоязычных племен. Например, имя Базаяк носил ясачный князец абинцев Кузнецкого уезда. Абинцы же были родственны телеутам и вошли в состав современных шорцев. Имя Кошка встречается у енисейских кыргызов, а Буга, или Пуга, — у алтайцев. Однако эти имена, если даже они и тюркские, могли быть усвоены буклинцами в период, когда они уже попали на Енисей. Таким образом, вопрос о языке буклинцев XVII в. остается открытым. Неясно также, куда исчезли ясачные буклинцы, после того как они в 1640 г. ушли „в киргизы“, ибо сами киргизы оставались в Минусинской котловине до начала XVIII в. Б. О. Долгих высказывает предположение, что старое название „Буклинская земля“ было заменено новым, именно „Яринская земля“, которое появляется в ясачной книге 1642 г. как название „Новоприисконной“ земли. Но это только предположение. Дело в том, что термин „буклинцы“ употребляется в цитированном выше документе 1631 г. одновременно с термином „яринцы“. Следовательно, русские служилые люди в то время различали яринцев и буклинцев и отнюдь не отождествляли их. Вероятнее всего, что в середине XVII в. буклинцы слились с моторцами, тубинцами, кызыльцами и вместе с ними вошли в этнический состав некоторых современных народностей Саяно-Алтайского нагорья, в частности хакасов и тувинцев.

Изложенный материал о буклинцах XVII в. еще раз показывает, что Саяно-Алтайское нагорье с его бесчисленными и разнообразными археологическими памятниками, топонимикой, с населяющими его различными, особенно тюркоязычными, народностями представляет выдающийся интерес для изучения истории культуры, этнической истории народов Центральной Азии.

⁴⁰ Об этом см., например, мои работы: 1) Очерки по истории алтайцев; 2) Культур гор на Алтае. СЭ, 1946, № 2; 3) Этнический состав сагайцев. СЭ, 1947, № 3; 4) Новые данные о древнетюркском *Otükän*. Советское востоковедение, 1957, № 1; 5) Некоторые итоги работ Тувинской экспедиции. СЭ, 1959, № 5.

Кроме термина *Bökli*, например, в современной топонимике Саяно-Алтайского нагорья сохранились еще некоторые географические термины, известные по орхонским и енисейским надписям, что, конечно, является показателем этногенетических связей современного тюркоязычного населения Саяно-Алтая с древними тюрками. Несмотря на то, что топонимика этой горной системы еще только начинает изучаться, уже получены интересные результаты. Мне уже приходилось сообщать, что в Туве имеется горный хребет, до сего времени именуемый *Ötükän*. В связи с этим я попытался обосновать гипотезу о том, что этот горный хребет и есть тот самый, который упомянут в орхонских надписях.⁴¹ Наиболее сильным возражением против предложенной мною локализации древнетюркского *Ötükän* может быть, конечно, предположение о наличии в восточной части Центральной Азии нескольких хребтов или гор, носящих имя *Ötükän*, аналогично тому как в Греции было несколько Олимпов. Это вполне возможно. Такого мнения придерживался В. Бартольд, находивший, что были два хребта под этим названием: один к северу от пустыни Гоби, вблизи Орхона, а другой к югу от нее (к северу от Куку-Нора).⁴² Приведенное мнение основывается, видимо, в значительной мере на гипотезе В. Томсена, помещавшего *Ötükän* в Хангае, но в то же время отождествлявшего *Ötükän* древнетюркских надписей с названием Тукиншан китайских исторических хроник. В таком случае нужно признать, что горный хребет *Ötükän* находился по южную сторону пустыни Гоби, на той территории, которую упомянутые китайские источники называют древней родиной тюгю, где хоронили каганов первого тюркского каганата. По китайским известиям, вблизи этого хребта находились ставки таких могущественных каганов, как Мухан-кагана, (по Иакинфу, Муюй хан кигинь) или Шаболио. В летописи Суйской династии ясно сказано, что при седьмом общетюркском кагане Тулан-хане (по Иакинфу, Дулань-хан Юньюлюй) на севере пустыни правил племенами Тули-каган (Яньхан, по Иакинфу, Жаньгань). Когда он женился на китайской принцессе, то отправился на юг к бывшей ставке тюркских каганов на горе Тукиншан.⁴³ То же самое говорится в китайских источниках, переведенных Иакинфом: „Тули, собственно, жил на северной стороне (пустыни, — Л. П.), а когда женился на царевне, то переселился на юг в старую крепость Дугинь“,⁴⁴ — т. е. в места по южную сторону песчаной степи, но по северную сторону Ордоса. Следовательно, *Ötükän*—Тукиншан находился на юге, а не на севере в Хангайских горах, как полагал Томсен. Однако я нахожу, что отождествлять Тукиншан с *Ötükän* орхонских текстов невозможно. Дело в том, что в орхонских текстах говорится о хребте *Ötükän*, который тюркский каган обнаружил во время своих военных походов в 20-х гг. VIII в. и убедился, что эта сторона (Отюкенская чернь) является лучшим местом для каганского центра, где с успехом можно поддерживать могущество и самостоятельность кагана, сохранить каганат от разлагающего влияния Китайского государства, посылать караваны за данью.⁴⁵ Здесь ни слова не говорится о том, что *Ötükän* —

⁴¹ Новые данные о древнетюркском *Ötükän*.

⁴² W. Barthold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften; В кн.: W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 25—26.

⁴³ Lin-Man-Tsai, т. I.

⁴⁴ Иакинф Бичурин, т. I, стр. 241.

⁴⁵ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 34—35; ср.: П. Мелиоранский, ук. соч., стр. 60—62.

это родина тюрков-тюгю, местонахождение ставок первых каганов, как принято было толковать эти строки в востоковедной литературе.

Стало быть, Тукиншан китайских источников и *Ötükän* орхонских надписей — это разные горы. И это становится еще более ясным, если принять во внимание, что в китайских источниках упоминается гора, горный хребет под названием *Ötükän* (*Yü-tu-kün-schan*), которое отнюдь не идентифицируется с наименованием Тукиншан. В отношении же *Ötükän* китайских летописных известий совершенно определенно говорится, что он находился по северную сторону пустыни. В тексте сообщения о телеском племени Сеяньто (*Sie-yen-to*) рассказывается, как после ослабления власти Хели (последнего кагана первого тюркского каганата) император Китая назначил каганом Инана — предводителя Сеяньто. Последний этому очень обрадовался и разбил свою ставку севернее пустыни Гоби и ниже горы *Yü-tu-kün-schan* (*Ötükän*).⁴⁶ В 630 г., после свержения Хели-кагана, Инан отправился со своими людьми на восток — назад, на свою родину, и разбил свою ставку восточнее *Ötükän* и южнее р. Толы у горы *Tu-wei-kien-schan*.⁴⁷ Поскольку в историческом сочинении *Tse-tschi-t'ung-kien* (японская часть, стр. 392, прим. 21) объяснено, что гора *Tu-wei-kien-schan* находится севернее пустыни на территории *Sayin Noyan*⁴⁸ (т. е. Сайн-Нойоновского аймака), то можно полагать, что хребет *Ötükän* того времени, находящийся западнее этой горы, и современный хребет *Ötükän* в верховьях Енисея — одно и то же.⁴⁹

Памятники в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука свидетельствуют о перенесении каганской ставки второго каганата на северную сторону пустыни, т. е. в места кочевий конфедерации племен теле или токуз-огузов, в частности в область или страну *Ötükän*. Там же поселился и Тоньюкук.⁵⁰ Я должен еще сообщить в защиту своей гипотезы, что в Туве я обнаружил уже комплекс географических терминов, упоминаемых в древнетюркских надписях вместе с *Ötükän*. Так, например, оказывается, что первая гряда гор, с которой начинается путь по тувинскому *Ötükän*, если подниматься на него из долины р. Биче-Баша,⁵¹ называется Кёгмен, т. е. именем хребта, неоднократно упоминаемого в орхонских надписях. Неподалеку от хребтов *Ötükän* и Кёгмен находится хребет Кадырган, обозначенный под этим именем и на карте современной Тувы. Кадырган, как известно, также неоднократно упоминается в древнетюркских надписях. В современной топонимике Саянских гор сохранилось наименование р. Аны, по которой шел во время похода на кыргыз (зимой 710—711 гг.) знаменитый Тоньюкук. Перед выходом на р. Ану Тоньюкук переправился через р. Ак-Төрмель.⁵² Еще и теперь, чтобы

⁴⁶ Lin-Man-Tsai, т. I, стр. 355; т. II, стр. 722—723.

⁴⁷ Там же, т. I, стр. 355.

⁴⁸ Там же, т. II, стр. 723. — Территория Сайн-Нойоновского аймака охватывает на севере течение р. Эдера и верхней Селенги, на западе — Улясутай, на востоке — истоки Орхона, а на юге граничит с пустыней.

⁴⁹ Ссылки на историческое сочинение *Tse-tschi-t'ung-kien* в 294-х главах, составленное *Sse-ma Kuang* (1019—1086) и основанное на использовании китайских официальных династийных историй и других исторических сочинений, имеется у *Liu-Mau-Tsai* (ук. соч., т. II, стр. 723; т. I, стр. 481).

⁵⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 66; ср.: P. Aalto. Materialien zu den Alttürkischen Inschriften der Mongolei. JSFOu, 60, 1958, стр. 35.

⁵¹ Р. Биче-Баш берет начало с хребта *Ötükän*.

⁵² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 67.

перевалить Саянский хребет с севера и попасть в верховья Аны, переправляются через реку, которую называют Ак-Суг или просто Ак.

Между прочим проф. А. Габан, определяя *Ötükän* как местность между Хангаем и горами Танну-ола, справедливо заметила, опираясь на текст орхонских надписей, что рядом с *Ötükän* находилась гора Ыдык-баш (Steppe und Stadt in Leben der ältesten Türken. Der Islam, Bd. 29, Htt. I, Berlin, 1949, стр. 35, 36). Могу сообщить, что поблизости от современного *Ötükän* в Туве действительно находится гора, носящая древнее название Ыдык. Она расположена по р. Каа-хему между речками Эржей и Чодураалыг.

Я не знаю, есть ли где-либо в другом месте Центральной Азии весь этот комплекс древнетюркских названий, но в Саяно-Алтае, в частности в Туве, он имеется, и это является серьезным основанием для того, чтобы не только утверждать этногенетическую связь современного населения Тувы с древними тюрками, но и определить на современной географической карте ряд древнетюркских собственных географических названий. Если к этому добавить, что уже обнаружен случай подобной координации географических названий, встречающихся в енисейских памятниках древнетюркской письменности, с современной тувинской топонимикой, то научное значение изложенного материала еще более возрастает. Я имею в виду надпись на четвертом памятнике с Чакуля, в которой упоминается местность Казанг.⁵³ Этот памятник находится в нескольких километрах от местности, которая у современных тувинцев называется Казанг.⁵⁴

В заключение я хотел бы сказать, что в настоящее время накоплен значительный этнографический, а также археологический материал, в особенности собранный Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедицией, обработка и публикация которого, как я думаю, позволит на более широкой основе решить вопрос об этногенетических связях и историко-культурной преемственности современного тюркоязычного населения Саяно-Алтайского нагорья с древними тюркскими племенами теле и тюгю.

⁵³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 39.

⁵⁴ С. И. Вайнштейн. Очерк этногенеза тувинцев. Уч. зап. Тувинского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории, вып. V, Кызыл, 1957, стр. 189.